

Леонид Андреев. Смех

Оригинал находится здесь: [Библиотека. Леонид Андреев.](#)

I

В половине седьмого я был уверен, что она придет., и мне было отчаянно весело. Пальто мое было застегнуто на один верхний крючок и раздувалось от холодного ветра, но холода я не чувствовал; голова моя была гордо откинута назад, и студенческая фуражка сидела совсем на затылке; глаза мои по отношению к встречавшимся мужчинам выражали покровительство и удаль, по отношению к женщинам – вызов и ласку: хотя уже четыре дня я любил одну только ее, но я был так молод, и сердце мое было так богато, что остаться совершенно равнодушным к другим женщинам я не мог. И шаги мои были быстрые, смелые, порхающие.

В без четверти семь пальто мое было застегнуто на две пуговицы, и я смотрел только на женщин, но без вызова и ласки, а скорее с отвращением. Мне нужна была только одна женщина – остальные могли провалиться к черту: они только мешали и своим мнимым сходством с ней придавали моим движениям неуверенность и резкое непостоянство. И без пяти минут семь мне стало жарко.

В без двух минут семь мне сделалось холодно.

Ровно в семь я убедился, что она не придет.

В половине девятого я представлял собой самое жалкое существо в мире. Пальто было застегнуто на все пуговицы, воротник поднят, и фуражка нахлобучена на посиневший нос; волосы на висках, усы и ресницы белели от инея, и зубы слегка постукивали друг о друга. По шаркающей походке и согнутой спине меня можно было принять за довольно еще бодрого старика, возвращающегося из гостей в богадельню.

И все это сделала – она! О черт... нет, не надо: может быть, и не пустили, или она больна, или умерла. Умерла! – а я ругаюсь.

II

– Там сегодня и Евгения Николаевна, – сказал мне товарищ, студент, без всякой задней мысли: он не мог знать, что я ждал Евгению Николаевну на морозе от семи до половины девятого.

– Вот как!.. – глубокомысленно ответил я, а в душе выскочило: "О черт..."

Там – это на вечере у Полозовых. Полозовы – это люди, у которых я никогда не бывал. Но сегодня я там буду.

– Сеньоры! – весело крикнул я. – Сегодня Рождество; сегодня все веселятся – будем веселиться и мы.

– Но как? – грустно отозвался один.

– Но где? – поддержал другой.

– Нарядимся и будем ездить по всем вечерам, – решил я.

И им, этим бесчувственным людям, действительно стало весело. Они кричали, прыгали и пели. Они благодарили меня и считали количество наличных денег. А через полчаса мы собирали по городу всех одиноких, всех скучающих студентов, и, когда нас набралось десять весело прыгающих чертей, мы поехали в парикмахерскую, – она же костюмерная, – и наполнили ее холодом, молодостью и смехом.

Мне нужно было что-нибудь мрачное, красивое, с оттенком изящной грусти, и я попросил:

– Дайте мне костюм испанского дворянина.

Вероятно, очень это был длинный дворянин, потому что в его платье я скрылся весь без остатка и почувствовал себя уже совершенно одиноким, как в